Андрей Платонов

ГЛАВНЫЕ КНИГИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Котлован

Герои «Котлована» — рабочие и крестьяне 1920-х годов — строят светлое будущее, но повесть об этом пронизана чувством абсурда и обреченности — то ли строительства, которым они заняты, то ли советского проекта, то ли жизни вообще.

альпина ПРОЗА

ПОЛКА

Главные книги русской литературы (Альпина)

Андрей Платонов

Котлован

«Альпина Диджитал»
1930

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)

Платонов А. П.

Котлован / А. П. Платонов — «Альпина Диджитал», 1930 — (Главные книги русской литературы (Альпина))

ISBN 978-5-00-633054-2

«Главные книги русской литературы» – совместная серия издательства «Альпина.Проза» и интернет-проекта «Полка». Произведения, которые в ней выходят, выбраны современными писателями, критиками, литературоведами, преподавателями. Это и попытка определить, как выглядит сегодня русский литературный канон, и новый взгляд на известные произведения: каждую книгу сопровождает предисловие авторов «Полки».

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)

ISBN 978-5-00-633054-2

© Платонов А. П., 1930
© Альпина Диджитал, 1930

Содержание

Предисловие «Полки» 8
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Андрей Платонов
Котлован

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Текст печатается по изданию: Платонов А. Собрание сочинений в 5 томах. Т. 2. – М.: Информпечать, 1998.

Главный редактор: *Сергей Турко*
Руководитель проекта: *Анна Василенко*
Корректоры: *Мария Прянишникова-Перепелюк, Мария Смирнова*
Компьютерная верстка: *Кирилл Свищёв*
Художественное оформление и макет: *Юрий Буга*

© Сапрыкин Ю., предисловие, 2022
© ООО «Альпина Паблишер», 2027

* * *

Андрей Платонов

Котлован

альпина ПРОЗА

Москва, 2027

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Андрей Платонов. *1940-е годы*[1]

[1] Андрей Платонов. 1940-е годы. Из открытых источников.

Предисловие «Полки»

Даже люди, не читавшие Платонова, знают про особый платоновский язык: автор будто очнулся после катастрофы и заново собирает рассыпавшуюся речь. Герои «Котлована» – рабочие и крестьяне 1920-х годов – строят светлое будущее, но повесть об этом пронизана чувством абсурда и обреченности – то ли строительства, которым они заняты, то ли советского проекта, то ли жизни вообще.
Юрий Сапрыкин

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Тоскующий рабочий Вощев присоединяется к артели, которая роет котлован для великого здания будущего: сюда должен переселиться местный пролетариат, а в перспективе и трудящиеся всего мира. Проект здания постоянно меняется; не закончив строительства, рабочие отправляются в деревню организовывать колхоз; котлован становится шире и глубже; светлое будущее оборачивается потоком страданий и смертей.

КОГДА ОНА БЫЛА НАПИСАНА?

В начале 1930-х, точнее датировать невозможно. В одной из машинописных копий «Котлована» стоят даты «декабрь 1929 – апрель 1930», – вероятно, Платонов обозначил так время действия повести – самый жестокий этап коллективизации. Это тяжелое для Платонова время: нет постоянного жилья, тяжело болеет сын, в печати разносят рассказ «Усомнившийся Макар», в Воронежской области, где Платонов работал инженером, начинается «дело мелиораторов» – коллег писателя обвиняют во вредительстве.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Не имеющим аналогов в русской литературе языком – избыточным, намеренно «неправильным», смешивающим разные регистры речи. Эти черты вообще свойственны языку Платонова, но в «Котловане» его странность достигает, может быть, высшей степени. Именно язык задает контуры мира «Котлована» – где все устремлено к высшей цели и вместе с тем пронизано ощущением обреченности.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

Судя по пометкам на машинописной копии, Платонов собирался отдать рукопись в харьковское издательство «Пролетарий», но это вряд ли произошло. В 60-е годы текст распространяют в самиздате, в 1969-м публикуют в ФРГ в журнале «Грани». В 1973 году американское издательство «Ардис» впервые выпускает «Котлован» отдельной книгой. В России повесть публикуется в 1987 году, в июньском номере журнала «Новый мир».

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Русская революция и связанное с ней напряженное ожидание радикального переустройства мира. Опыт первых лет социалистического строительства, когда мечты о преобразовании вселенной растворились в бюрократической рутине. Русская эсхатология – от Аввакума до «Философии общего дела» Николая Федорова.

КАК ЕЕ ПРИЯЛИ?

Первый авторитетный отклик – написанное в 1973 году послесловие Иосифа Бродского к американскому изданию «Котлована». Он ставит книгу в ряд величайших модернистских произведений: по Бродскому, у Кафки и Беккета носителем абсурда является альтер эго автора, у Платонова же абсурд захватывает целую страну. В конце 80-х, в момент публикации в СССР, «Котлован» оказывается в ряду литературных разоблачений сталинизма, но уже первым читателям очевидно, что значение книги этим не ограничивается.

Андрей Платонов (в центре) на открытии первой электростанции в селе Рогачёвка, построенной под его руководством. 1925 год. Слева от писателя – жена Мария Платонова, справа – брат Петр Климентов[2]

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

«Котлован» постоянно переиздается в популярных сериях классики. В 2000 году выходит академическое издание с подробными комментариями и сверкой разных вариантов рукописи. В 2009-м публикуется новый английский перевод, сделанный Робертом и Элизабет Чендлер.

[2] Андрей Платонов на открытии первой электростанции в селе Рогачёвка, построенной под его руководством. 1925 год. Из открытых источников.

«Котлован» включен в обязательную школьную программу по литературе и остается в ней одним из самых сложных для понимания текстов.

ПОЧЕМУ «КОТЛОВАН» НАПИСАН ТАКИМ СТРАННЫМ ЯЗЫКОМ?

Это первое впечатление от любых текстов Платонова: знакомые слова стоят как бы в неправильном порядке; чтобы понять, о чем идет речь, нужно прикладывать усилие. Язык Платонова можно сравнить с наивной живописью: автор будто видит мир впервые и с трудом подбирает слова, чтобы его описать. Чем-то это похоже на выдвинутый Виктором Шкловским метод остранения – с той поправкой, что автор не просто описывает ситуацию как по-новому увиденную, но еще и заново конструирует язык для такого описания. В эту первородную речь Платонов вплетает языковые клише официальной пропаганды – декретов, лозунгов, выступлений по радио – и просторечные, сниженные обороты. Синкретический стиль Платонова отсылает к глубокой архаике и вместе с тем неотделим от своего времени. Слова в платоновской прозе подогнаны как в хорошем стихотворении – их соприкосновение создает новый смысл, новый взгляд на вещи.

ЕСТЬ ЛИ У ЭТОГО ЯЗЫКА СВОИ ПРАВИЛА? СЛОВА РАССТАВЛЕНЫ НЕ ТАК, КАК ОБЫЧНО, НО ПОЧЕМУ ТАК, А НЕ ИНАЧЕ?

В языке «Котлована» есть свои особенности и повторяющиеся приемы. Этот язык избыточен: герои работают не просто «с усердием», но «с усердием жизни». К словам, описывающим обычные действия и состояния, добавляются характеристики, придающие им особую протяженность или значительность. Вещи и процессы не просто называются, а распространенно определяются, как в словаре: не просто «съесть», но «спрятать плоть… убоины в свое тело». Эти дополнения – необязательные, но расширяющие пространство смысла – создают впечатление, что нам рассказывают о чем-то важном, фундаментальном. Еще один прием – дополнения после непереходных глаголов, задающих направление или локализацию: «думать в голову», «жить в эту разгороженную даль»; состояниям человека и природы как бы придается вектор и цель. Практически в каждой фразе возникают фигуры поэтической речи: сравнения, олицетворения, метафоры. Филолог Юрий Левин показал, насколько близок этот язык к поэзии, разбив фразу из «Котлована» на отдельные строки:

> Снежный ветер утих: неясная луна выявилась на дальнем небе,
> опорожненном от вихрей и туч, на небе, которое было так пустынно, что
> допускало вечную свободу, и так жутко, что для свободы нужна была дружба.

Эта грамматика задает контуры платоновского мира: что бы в нем ни происходило, это кажется невероятно важным, значительным, создается ощущение, что речь идет о событиях, направленных к неведомой нам, но все оправдывающей цели.

ВСЕ ГЕРОИ «КОТЛОВАНА» ПОХОЖИ ДРУГ НА ДРУГА И ГОВОРЯТ ОДИНАКОВО. А КТО ИЗ НИХ БЛИЖЕ АВТОРУ?

В повести все действительно разговаривают похоже, причем реплики персонажей не отличаются от авторской речи. Герои «Котлована» делают общее дело и погружены в общую стихию речи, но их характеры и функции различаются: суровый рабочий Чиклин, меланхоличный архитектор Прушевский, надрывно-едкий инвалид Жачев (по словам Платонова, его ноги остались в капитализме, а тело перешло в социализм) – каждый несчастлив по-своему.

Сходство их речи напоминает о строителях Вавилонской башни, и точно так же крушение революционной утопии повлечет за собой распад «авторитарного дискурса» и возникновение разнородных социальных диалектов.

Демонстрация колхозников против кулаков. 1931 год[3]

Особое место среди героев – у печального рабочего Вощева, живущего так, «будто вдалеке есть что-то особенное или роскошный несбыточный предмет»: в черновиках повести он носит фамилию Климентов – настоящую фамилию писателя Андрея Платонова. Это один из типичных для Платонова сомневающихся, выпадающих из общего народного тела героев, близкий Саше Дванову из «Чевенгура» или Фоме Пухову из повести «Сокровенный человек». Вощев видит глубже окружающих: его не захватывает всеобщий энтузиазм, он говорит рабочим, что «мне без истины стыдно жить», и ждет, когда на небе «будет вынесена резолюция о прекращении вечности времени, об искуплении томительности жизни». «Вощеву остается “неясно на свете”, он “живет заочно”, как бы со стороны наблюдая свою жизнь, и гуляет “мимо” людей, не становясь одним из них»[4]. В нем сильнее всего воплощена платоновская экзистенциальная тоска, сама фамилия Вощев напоминает о слове «вотще». Он чувствует во всем «веществе существования» особую хрупкость и переживает жизнь как истощающее силы терпеливое томление. Вощев хранит в своем дорожном мешке «нищие, отвергнутые предметы» вроде опавших листьев – собирая «для памяти и отмщения всякую безвестность». Философ Леонид Карасёв находит в этой черте Вощева одно из проявлений «детского мира» Платонова: его герои часто плачут, забываются счастливым сном, задают наивные вопросы об очевидных вещах, собирают, как в случае Вощева, бесполезные лоскутки и палочки – словом, ведут себя как свойственно детям: «Платоновские странные люди сумели, хотя бы отчасти, вернуться в этот [детский] мир, где, засмотревшись на “отвергнутые предметы”, они придали им свой взрослый смысл, но вместе с тем потеряли возможность сделаться настоящими взрослыми»[5].

[3] Демонстрация колхозников против кулаков. 1931 год. Из открытых источников.

[4] Эпштейн М. Н. Андрей Платонов между небытием и воскресением // Эпштейн М. Н. Ирония идеала. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 214.

[5] Карасёв Л. Знаки «покинутого детства» // Андрей Платонов. Мир творчества. – М.: Современный писатель, 1994. С. 112.

ПОЧЕМУ ПЛАТОНОВ ВООБЩЕ НАПИСАЛ «КОТЛОВАН»? ОН БЫЛ ПРОТИВНИКОМ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ?

У Платонова был особый взгляд на теорию и практику коммунистического строительства. Судя по его публицистическим текстам 20-х годов, ему были близки идеи одного из ранних теоретиков большевизма Александра Богданова, разрабатывавшего «науку о всеобщей организации». Подобно Богданову, Платонов видел в социалистическом строительстве путь к преображению всего мироздания: коллективный труд и всеобщая механизация должны вдохнуть в косную материю разум и смысл. Однако Платонов был полностью встроен в советскую систему – в начале 1920-х как инженер, затем как журналист и писатель – и никогда не выражал публичного несогласия с линией партии. В начале 1930-х, практически одновременно с работой над «Котлованом», Платонов едет в журналистские командировки на Ленинградский металлический завод и в колхозы, только что созданные на Средней Волге, и в его газетных статьях нет даже намёка на критику или недовольство происходящим. При этом написанный примерно в то же время «Котлован» оказывается одной из самых страшных книг о стройках социализма, преобразованиях в деревне и советской жизни вообще. Как писал Бродский в послесловии к американскому изданию 1973 года, «если бы… была возможна прямая трансформация психической энергии в физическую, то первое, что следовало бы сделать, закрыв данную книгу, это отменить существующий миропорядок и объявить новое время».

Для объяснения этого разрыва биографу Платонова Алексею Варламову приходится выдвинуть гипотезу, что «Котлован» написан платоновским «мистером Хайдом» – второй личностью писателя. Платонова, очевидно, занимала тема двойничества, в одном из писем жене есть описание ночного кошмара: проснувшись среди ночи, Платонов видит, как другой Платонов сидит за столом и что-то пишет. Не прибегая к мистическим объяснениям, можно предположить, что Платонов собирался написать честную хронику социалистического строительства, возможно в критическом духе, но эсхатологический взгляд на мир и художественная честность увели его далеко от первоначального замысла.

«КОТЛОВАН» ОСНОВАН НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ? ИЛИ ВСЕ ЭТО ВЫДУМКА?

Условно деревенская часть «Котлована», которая выглядит мрачной фантасмагорией, на самом деле воспроизводит события коллективизации с пугающей точностью. Крестьяне, у которых забирали скотину в колхоз, на самом деле забивали коров и пытались наесться мясом впрок. Зажиточных крестьян с семьями действительно отправляли на плотах в никуда – эта сцена присутствует у Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГе» и в воспоминаниях Виктора Астафьева (при всей реалистичности здесь есть и глубокий символизм; как указывает Михаил Золотоносов, высылка кулаков на плотах напоминает языческий погребальный обряд, в котором мертвые отправляются в последний путь на погребальной ладье, – это похороны крестьянско-христианского мира)[6]. Образ постоянно растущего котлована, на месте которого должен быть (но никогда не будет) воздвигнут дворец светлого будущего, воплотился почти буквально – котлован, вырытый для так и не построенного Дворца Советов, превратился в бассейн «Москва». Возможно, единственный стопроцентный вымысел здесь – это медведь-молотобоец, хотя и он кажется знакомым (хотя бы как деталь народной деревянной игрушки). Золо-

[6] Золотоносов М. Ложное солнце // Андрей Платонов. Мир творчества. – М.: Современный писатель, 1994. С. 278.

тоносов напоминает о древнем обычае водить медведя по деревням, чтобы тот вынюхивал нечистую силу, – точно так же медведь в «Котловане» нутром чует классово чуждый элемент[7]

[7] Там же. С. 281.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.